

Гоц Д.И., аспирант Кафедры всеобщей истории, исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия).

ВЛИЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л. БРУНИ НА ТВОРЧЕСТВО ВЕНЕЦИАНСКОГО ИСТОРИКА МАРКАНТОНИО САБЕЛЛИКО (КОНЕЦ XV В.)

В статье на основе актуальных исследований в области истории памяти рассматривается генезис приемов и практик конструирования образов прошлого в трудах гуманистов Флоренции и Венеции XV в. Данная тематика сегодня имеет значительный научный потенциал, так как дает возможность изучить развитие концепций исторического знания, понять региональные особенности формирования культуры памяти в Италии, выделить идеологические функции исторических нарративов в социально-политическом контексте городов-государств. Понимание локальных особенностей в восприятии новых взглядов на общественные изменения и социальную динамику расширяет представления о тенденциях обмена знаниями в эпоху раннего Нового времени и особенностях перцепции сведений региональными интеллектуальными элитами Италии. Автор статьи демонстрирует формирование подходов к анализу и репрезентации прошлого на примере «Истории флорентийского народа» знаменитого гуманиста Леонардо Бруни (также известного как Леонардо Аретино). Основным объектом исследования оказываются как философские, политические и социальные взгляды Бруни, так и его подходы к критике текстов и использованию источников. Автор отмечает, что подходы и практики, выдвинутые Бруни, были восприняты венецианским гуманистом Маркантонио Сабеллико, использовавшим их с учетом венецианской традиции хронистики.

Ключевые слова: история памяти, гуманизм, культурная рецепция, региональные интеллектуальные элиты, Флоренция, Венеция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-55-65

Введение. Итальянские, и особенно флорентийские гуманисты, оставили значительное творческое наследие в сфере анализа исторических событий и их репрезентации. Влияние трудов Леонардо Бруни (Аретино Бруни) и Никколо Макиавелли на перцепцию прошлого является предметом активных исследований уже почти двести лет, начиная от Якоба Буркхардта [3, с. 147] и заканчивая исследованиями Марка Аркадьевича Юсима [6, с. 43 – 53] и Кристофера Челенцы [11, pp. 71 – 94]. Допустимо предположить, что анализ трудов гуманистов в контексте современных подходов, выработанных в поле изучения исторической памяти, может расширить представления о влиянии флорентийских культурных нововведений на другие регионы Италии, и их восприятие и переосмысление интеллектуалами. Кроме того, данные исследования дают возможность более детально проанализировать новое для своего времени течение общественной мысли, влиявшее на механизмы формирования исторической памяти характерные для того периода.

Одним из вопросов, вызывающих интерес у современных исследователей, является степень влияния флорентийской традиции

историописания на взгляды и представления авторов о прошлом из других регионов Италии. В частности, Гэри Янзити [24, р. 308] и Щербан Марин [26, pp. 158 – 159] отмечают влияние «Истории Флорентийского народа» Л. Бруни (1370 – 1444) на становление и развитие гуманистической историографии в Венеции XV в.

Одним из первых исторических трудов по истории Венеции, созданных в стилистике гуманизма, был текст Маркантонио Сабеллико в конце XV в. [7, р. 99]. В связи с этим, можно поставить исследовательскую задачу, заключающуюся в анализе влияния историко-философского наследия Л. Бруни, которое содержится в его главном труде - «Истории Флорентийского народа», на гуманистическое содержание и стилистику творчества Маркантонио Сабеллико в представлении прошлого Венеции.

Для проведения исследования необходимо ответить на несколько промежуточных вопросов. Во-первых, понять в контексте труда Бруни его взгляд на историю, ее функцию и роль в обществе. Во-вторых, рассмотреть те идеи, принципы и доктрины, которые Сабеллико мог заимствовать для создания труда по истории Венеции.

Объекты и методы исследования. В статье рассматриваются исторические труды флорентийского и венецианского гуманистов, освещавших прошлое двух республик. Нарративные источники анализируются в контексте представлений авторов о движущих силах общественных изменений, их понимания природы причинно-следственных связей, культурного влияния гуманизма в период кватроченто, а также их политических пристрастий и целей. Понимание данных аспектов дает возможность увидеть приемы и практики конструирования исторической памяти в культурно-политических центрах Италии. Кроме того, можно проследить, как успешные модели репрезентации прошлого переходили из одной интеллектуальной столицы в другую, формируя новые творческие запросы и ориентиры. Методология исследования основывается на подходах, выработанных в рамках изучения истории памяти. Общие положения и принципы строятся на основе работ Яна [2, с. 36 – 44] и Алейды Асман [1, с. 17 – 42]. Используются их наблюдения о коммуникационной среде и передаче образных концепций из поколения в поколение. Более частные вопросы, к примеру, распространение перспективных форм и приемов передачи исторических сведений исследовались с помощью выводов, сделанных Л.П. Репиной [5, с. 9 – 37].

Результаты. Э. Кокрейн полагает, что одним из фундаментальных аспектов гуманистического взгляда Л. Бруни на исторический процесс является представление о превосходстве активной жизненной позиции над созерцательной [14, р. 19]. В «Истории» относительно природы человека Аретино приводит следующие слова: «Человеческая природа такова, что когда путь к величию и почестям открыт, люди готовы улучшить себя <...>» [8, р. 48]. В философском смысле идеи гуманиста отражали новый взгляд на место индивида в окружающем мире. Бруни, хотя и чаще всего латентно, подчеркивал, что социальная реальность является не выражением иерархического порядка, установленного высшими силами, а результатом сознательной активности отдельных людей или их групп [29, р. 331]. Подобный взгляд на общественное развитие предполагал формирование новой системы аргументации в контексте

логики развития общественных отношений и политических институтов, в рамках которой опора на непререкаемый трансцендентальный авторитет сменялась на более конкретные и рационально-прагматичные исторические аргументы [ibid, р. 334]. Флорентийский автор, в частности, так описывал военные и политические решения римского полководца Стилихона (365–408): «Опираясь на свое знание военного дела, он [Стилихон] часто окружал, отрезал и изматывал их [готов]. Он бы полностью победил их, если бы его намерения были разумными. Однако он сам давно желал стать императором и хотел способствовать бедствиям Италии» [8, р. 66]. Данное описание подтверждает мысль о том, что Бруни рассматривал именно реальных людей с их желаниями, навыками и конкретными решениями, как главных акторов исторического процесса. То есть политическая сфера является областью светской жизни, где успех человека зависел от его опыта и умений [18].

Изменения в представлениях о генезисе социально-политических процессов формировали перед авторами исторических трудов новые идеологические задачи. Аретино полагал, что главной целью его «Истории» является: «<...> то насколько большую мудрость может дать нам история, если мы внимательно ее прочитаем! Ибо там могут быть рассмотрены дела и решения многих веков; из этих страниц мы можем легко узнать, какому поведению нам следует подражать и чего избегать, в то время как слава, завоеванная великими людьми, <...> вдохновляет нас на совершение добродетельных поступков» [8, р. 2]. В своем произведении Бруни стремился показать современникам и потомкам, в первую очередь элите Флоренции, образцы и стратегии поведения, которые могли быть избраны в качестве ориентиров для успешной деятельности на политическом поприще. Именно положительный или отрицательный исход исторического события и его влияние на общее благополучие флорентийских граждан должен был являться главным критерием истинности для читателей «Истории» [21].

Необходимо отметить, что Бруни имел достаточно определенные политические пристрастия. Начиная седьмую книгу, где описываются события 1340 г., Аретино приводит следующие сведения: «<...> как только город

заявил о своем праве на самоуправление, свободный народ заново основал государственные учреждения» [9, р. 284]. Гуманист подчеркивает важность независимости и самостоятельности Флоренции от внешнеполитических сил, строящейся на основе активной позиции свободных людей. В это же время автор указывает и еще один факт: «<...> вопреки примеру прежних времен, [было решено] открыть доступ аристократам [дать возможность избираться] в эту и другие магистратуры республики» [ibid, р. 284]. Не феодальная и рыцарская знать стояла во главе коммуны. Неслучайно далее приводится описание конфликта населения с патрициатом, который закончился отстранением нобилей от власти. По мнению Бруни, родовое высокомерие и эгоизм, проявление жестокости по отношению к другим группам населения во многом ослабляли позиции аристократов в борьбе за власть [ibid, р. 288]. Также Аретино негативно оценивает ситуации, когда власть оказывается в руках низов, характеризуя следующим образом последствия восстания чомпи в 1378 г.: «Такое положение дел может служить вечным примером и предупреждением для главных граждан города о том, что нельзя допускать гражданских беспорядков и применения вооруженной силы по прихоти толпы. Ибо ее невозможно обуздать, как только она начнет выхватывать бразды правления и осознает, что она более могущественна, будучи более многочисленной» [10, р. 8]. Правление плебса могло легко перерасти в охлократию, где не действовали никакие законы. Джеймс Хэнкинс подчеркивает, что в восприятии Бруни Флоренция могла достигнуть политического развития и процветания только тогда, когда в выборных учреждениях главенствующую позицию занимала элита торгово-ремесленных кругов (пополо) города [22, р. 374]. Политические предпочтения автора можно объяснить тем, что именно представители пополо проводили наиболее рациональные и взвешенные решения, не беспокоясь о родовых предрассудках или стремлении преступно обогатиться за счет других. Можно сделать вывод, что средние слои формировали во Флоренции атмосферу мира и взаимного согласия, поддерживая справедливость и равенство. Для сохранения коллективного благополучия пополаны умели хорошо властвовать и

подчиняться, только в случае необходимости прибегали к силе и были умеренными в своих желаниях, когда этого требовала политическая конъюнктура [21].

Гэри Янзити отмечает, что Бруни, создавая «Историю» с 1416 по 1442 гг., не вносил существенных изменений в свой текст даже тогда, когда власть в городе перешла в руки рода Медичи в 1434 г. Гуманист, публикуя последующие части своей работы, добавлял лишь некоторые детали, подчеркивавшие заслуги пришедших к власти сеньоров. Новые правители, не проводившие коренных преобразований властных институтов республики, высоко ценили труд Аретино, давая автору значительные привилегии и способствуя распространению «Истории» [23, pp. 2 – 10].

Рассмотрев идеологические воззрения Бруни, необходимо отметить те приемы и стратегии, которые помогали ему легитимизировать и аргументировать справедливость сложившихся социально-политических отношений.

Во-первых, Бруни, несмотря на все перипетии и политические конфликты, отмечал, что во Флоренции сформировались совершенные социально-политические институты. Подтверждение данного факта могут служить его слова относительно общественной ситуации в 1440 гг.: «Таким образом, после бурных времен <...>, наконец, наступил период процветания и радости, и город вознесся к великой славе» [10, р. 396].

Во-вторых, Аретино был знатоком философии Аристотеля и интерпретировал ее в русле собственных политических целей и задач. К примеру, гуманист старался показать, что именно флорентийские пополаны больше всего адаптированы для властной деятельности. События, связанные с привлечением аристократии к управлению государством в 1340 гг., трактовались как стремление, направленное на достижение общественной гармонии и мира, чтобы ни одна часть населения не была лишена почестей [9, pp. 284 – 286]. Вероятно, данное сообщение отражает концепцию Аристотеля, что власть должна действовать в интересах всего общества и стараться учитывать интересы всех социальных слоев [21]. Однако, как было показано выше, удовлетворение требований нобилей стало причиной новых гражданских потрясений. Видя расхождение политической теории

с практикой, Бруни пересматривает постулат Аристотеля, опираясь на исторический опыт Флоренции, показывая, что в конкретных условиях лучшим решением проблем будет поддержание исключительных интересов торгово-ремесленных слоев.

В-третьих, автор «Истории» подчеркивает величие и важность исторических событий, связанных с Флоренцией, говоря, что «были совершены подвиги, не менее запоминающиеся и важные, чем те великие деяния, о которых мы читаем и которыми так восхищаемся в древние времена» [8, р. 2]. Данное рассуждение дополняется прямым сравнением борьбы Флоренции и Пизы с противостоянием Рима и Карфагена. Историческое значение столицы Тосканы, по мысли Бруни, сопоставимо с величием главного политического центра древности. Кроме того, автор не строит сложные родословные великих предков подобно Джованни Виллани [4, с. 8 – 13], а подчеркивает самостоятельную значимость и ценность отдаленного и недавнего прошлого города.

В-четвертых, Бруни, в отличие от своих предшественников, не объясняет победы или поражения, успехи или неудачи высшим промыслом или действием каких-либо сверхъестественных сил, как Виллани демонстрирует в своей хронике [там же, с. 77]. Аретино объясняет генезис явлений либо превращениями фортуны [8, р. 64], либо непосредственными умениями и навыками участников исторических событий [ibid, р. 66]. Ответственность или соответствующие ситуации действия индивидов становятся первопричинами положительных результатов. Освоение пополами важных уроков истории, то есть дидактических примеров из прошлого, должно было стать ключом к политическим и военным победам в настоящем.

В-пятых, Бруни считал большим несчастьем и опасностью как периоды беззакония или войны всех против всех [10, р. 8], так и бремя тирании [9, р. 284], ставившей под вопрос независимость Флоренции. Свободный народ должен был всеми возможными способами защищать свою политическую целостность и бороться за сохранение новоприобретенных территорий, расширявших влияние города-государства. Гуманист дает следующую характеристику войне Флоренции с

миланским герцогом Джан Галеаццо Висконти в 1390 гг.: «Миланская война, которую я сейчас собираюсь описать, велась флорентийским народом с такими большими затратами, таким духом и энергией, что, без сомнения, она должна считаться величайшей из всех войн, которые когда-либо вел этот народ» [10, р. 106]. Суверенитет и его главное выражение - общественный патриотизм, становятся одними из главных тематических направлений в изложении «Истории».

В-шестых, Бруни использует широкое разнообразие риторико-филологических практик для представления фактов в выгодном свете. Г. Янзити указывает следующие приемы, которые использовались Аретино для создания положительного реноме Медичи. Автор применяет умолчание, чтобы не освещать порочащие род сведения [23, р. 6]. Также гуманист мог представлять предков новых правителей в качестве поборников общего блага флорентийцев и спасителей отечества в трудные времена [ibid, р. 7]. Бруни, развивая критические подходы к тексту, пересматривал оценки хронистов с помощью архивных документов [ibid, р. 8]. В описании обороны крепости Скарперия в 1351 г. Аретино следующим образом характеризует действия Джованни де Медичи: «<...> муж впоследствии знаменитый, рискнул стать добровольцем. Он полагал, что для него было бы бесчестным слоняться в безопасности и свободе, не отдавая должной службы своему государству в момент нужды, когда его сограждане были в ловушке и опасности» [9, р. 359]. С помощью архивных источников гуманист установил, что данные территории находились во владении Медичи. Данный факт давал весомые основания предполагать, что Джованни принимал активное участие в обороне родовых земель. Кроме того, эта версия подтверждалась материалами о награждении полководца, который якобы боролся с особым усердием с врагами исключительно ради интересов Флоренции, хотя, скорее всего, отпрыск Медичи лишь защищал родовые земли [23, р. 8]. Замалчивание реальных мотивов событий позволяло Бруни делать акцент на героизме своих новых господ с опорой на рациональные факты, не прибегая к подлогу.

Можно предположить, что изменение взглядов и представлений о роли человека в

контексте социальной реальности влияли на развитие новых аргументационных практик для репрезентации исторической памяти. Новаторская работа Бруни демонстрирует актуализацию идей, связанных с опорой на здравый смысл и опыт, за которыми активнее всего следовала новая элита из торгово-ремесленных кругов. Подтверждением убедительности, логичности и идеологической гибкости данной системы доказательств было то, что даже пришедшие к власти Медичи продолжали распространять и поддерживать взгляды Аретино, которые были надежным обоснованием, как внутривластных отношений, так и внешнеполитических завоеваний. Люди верили в отраженные Бруни идеи и были готовы защищать их.

Интерес к новым подходам в интерпретации политики и их обоснованность в понимании современников, восприимчивых к гуманистической культуре, распространили концепции Бруни и в другие регионы Италии. К примеру, венецианские интеллектуалы были заинтересованы в создании схожих исторических работ о прошлом своего региона.

В XV в. в Венеции завершается юридическое оформление городского патрициата. Система учета патрилинейного родства у аристократов после постановлений 1414 и 1430 гг. стала основным условием доступа к выборам во властные учреждения Республики. По мнению С. Чойнацки, в культурном плане данные акты были связаны с конструированием политического дискурса, направленного на формирование и легитимацию в обществе исключительной идентичности элиты, связанной с ее особым благородством и чистотой происхождения [12, pp. 344 – 347]. М. Кинг также указывает, что отличительной чертой самовосприятия венецианского патрициата была вера в свою исключительность в связи с наследованием знатности и достоинства [25, p. 180]. Вероятно, подобный взгляд проистекал из концепции, что Венецианская республика и ее институты создавались под покровительством Бога и св. Марка [16, p. 10], возвышая Серениссиму в сравнении с прочими державами. Д. Грабб отмечает, что для аристократов первостепенное значение имела коллективная самоидентификация, являвшаяся краеугольным камнем политической жизни островного города-

государства [20, pp. 375 – 387]. Очевидно, что Венеция в культурно-политическом отношении была достаточно консервативна, апеллируя в своей идеологии в первую очередь к метафизическим авторитетам.

Однако патриции, общавшиеся с гуманистами и интересовавшиеся их творчеством, хотели использовать «*studia humanitatis*» для прославления прошлого Венеции. Лодовико Барбаро в 50 – 60 гг. XV в. стремился привлечь знаменитого гуманиста Флавио Бьондо для создания фундаментального труда, посвященного истории Венеции, пытаясь, но тщетно, добиться его назначения на должность официального историографа Республики [27, p. 119]. Исследования Ф. Гилберта показывают, что данный пост появился только с назначением в 1516 г. Андреа Наваджеро [19, pp. 282 – 285]. Однако Ш. Марин отмечает, что неформально говорить о формировании традиции официальной историографии в Венеции можно и ранее, так как Андреа Наваджеро было поручено продолжать историческую работу Маркантонио Сабеллико. Следовательно, уже после смерти в 1506 г. Сабеллико был признан первым республиканским историографом [26, p. 176].

Сабеллико (1436-1506), получивший образование в духе гуманизма в Риме, начал трудиться в Венеции как преподаватель риторики в 1484 г. Маркантонио был вхож в аристократические круги республики и имел многих влиятельных покровителей. Свой исторический труд Сабеллико создал чуть больше чем за один год (1485 – 1486), и книга была уже напечатана и издана в 1487 г. В ней автор выразил свою сильную привязанность к новой родине, облагодетельствовавшей его [ibid, pp. 136 – 140]. Ш. Марин отмечает, что хвалебный стиль гуманиста по отношению к Венеции и ее политическим институтам, нашел широкое признание среди элиты [ibid, pp. 160-161]. Можно предположить, что данные факты подчеркивают скорее политико-идеологическую направленность работы Маркантонио.

Ш. Марин подчеркивает, что в плане формы преподнесения материала труд Сабеллико имел много общего с «Историей» Бруни [ibid, pp. 158-159]. Допустимо утверждать, что Аретино давал венецианскому гуманисту и другие ориентиры. Маркантонио, также как и Аретино о Флоренции, утверждал, что

Венеция является совершенной Республикой, постулируя данный факт с еще большим пафосом. Гуманист отмечал, что в чистоте законов, справедливости правосудия и добродетельности Серениссима превосходит даже Древний Рим [28, р. 3]. Оба автора эпохи Возрождения, следуя за Титом Ливием [26, pp. 158 – 159], приходят к выводу, что прошлое их держав и особенно настоящее, является более великим, даже чем достижения главного государства прошлого. Труд и деятельность государственных мужей, которые были современниками гуманистов, рассматривались в качестве одного из главных источников процветания республик. Подобный образ, подчеркивающий совершенство социальных отношений и вклад в это развитие правящей группы, был эффективным инструментом для конструирования положительного реноме элиты. Следующие слова Маркантонио аргументируют данное утверждение: «Наоборот, это были благородные люди великой добродетели, которые основали Венецию. Они, желая позаботиться, чтобы свобода, в которой родился город, была бы вечной, с помощью развития образа жизни и справедливости, равных для всех, построили жилища и крепости своего города из святых установлений и законов» [28, р. 3]. Слава труда Бруни [24, р. 308], могла показать Сабеллико достойный пример для создания своего текста.

Маркантонио высоко оценивал благородство и религиозность первых переселенцев [28, р. 5], подчеркивая достоинство тех людей, которые стали основоположниками нового государства и справедливых общественных отношений. Вероятно, данное описание выделяло особые заслуги членов элиты, демонстрируя их предназначение к управлению республикой в интересах общего блага, подтверждаемого многими веками процветания и благополучия Венеции. Бруни, как говорилось выше, считал, что пополо лучше всего подходит для управления, так как представители данного общественного слоя являются самыми активными в реализации общественно значимых дел и теми, кто не ставил во главу всего собственные эгоистические интересы или допускал полное бездействие законов. Для Аретино более важной является личная деятельность, от которой проистекает право власти. Сабеллико же

отмечал не столько активность, сколько добродетельность нравов, которая способствовала становлению совершенного социума. Именно эта наследственная черта, по мнению Маркантонио, сделала Венецию первой среди современных держав. Кроме того, обращенность в прошлое объяснялась еще и апелляцией Сабеллико к роли высших сил: «Как мы мудро с любовью веруем и твердо исповедуем, что Божественное с человеческим сопряжено, и что вечная непостижимая тайна с тленным и постижимым одновременно сопряжена и связана» [ibid, р. 6]. Подобным образом рассуждал венецианский гуманист, повествуя об основании города. Можно предположить, что Маркантонио учитывал логику Бруни, подчеркивая важность именно людей, составляющих элиту, их моральных качеств. Однако, находясь в обществе, где были распространены более консервативные представления о социальном устройстве, венецианский гуманист стремился инкорпорировать новые политические идеи в традиционный контекст. То есть Сабеллико мог учитывать гуманистический дискурс легитимации власти, выработанный Аретино, следуя за идеологическими установками, распространенными в политической традиции Серениссимы.

Еще одним примером, показывающим определенное сходство в аргументах Бруни и Сабеллико, была боязнь беззакония, которая могла наступить, когда властью овладевали народные низы и их представители. Маркантонио приводит следующие рассуждения о заговоре дожа Марино Фальера 1355 г., который хотел стать узурпатором с помощью своих незнатных союзников: «И наконец, Фальер стал бы называться уже не дожем, а сеньором. Некоторые говорят, что они [заговорщики] обещали, убив нобилей, отдать власть в руки народа. Но, действительно, хорошо устроенная республика всегда была дорога Богу; тем более, когда она управлялась с большей справедливостью; так что из всех других источников земных владений, конечно, нет лучше того, который называется Аристократией, который не может получить господство только одного, как сказал Платон <...>» [ibid, р. 108]. Автор поддерживает сложившиеся властные отношения, апеллируя не только к Божественному авторитету, но и

пытаясь использовать аргументацию греческих философов, более ориентированных на политическую практику. Можно предположить, что Маркантонио, как и Бруни, видел долг господствующей социальной группы в поддержании правления, обеспечивающего в наибольшей степени общественное благо.

Рассматривая риторические и аналитические подходы Сабеллико, отчетливо прослеживается их общность с приемами и практиками гуманистической литературы, которые активно использовал и Аретино. Маркантонио в отображении событий 1355 г., когда Венеция терпела тяжелые поражения от Генуи, не упоминал данные факты, переходя сразу к описанию заключения мира [ibid, p. 109]. Хотя его предшественники, к примеру, анонимный автор хроники, текст который приписывается в историографической традиции перу некоего Энрико Дандоло, демонстрировали тяжесть невзгод и бедствий, которыми данное противостояние обернулось для Серениссимы [15, pp. 138 – 145]. События войны оканчиваются следующим образом в описании Маркантонио: «<...> в день Марии Магдалины они [вернувшиеся из плена] шли вместе со всеми в ее церковь, с зажженными факелами, это новое зрелище пробудило в людях религиозные чувства, так что этот день стал праздничным <...>» [28, p. 109]. Венецианский гуманист оставляет в забвении неприятные факты, концентрируя внимание читателей на сведениях о празднике, подчеркивая положительный исход трудных испытаний для города-государства. Сабеллико, как и Бруни для создания положительного образа Медичи, использует приемы умолчания и переключения внимания для формирования представлений об успехах Венеции, находящейся под опекой мудрой аристократии.

Маркантонио, повествуя о военном походе сына Карла Великого-Пипина на Венецию в 810 г., приводил более реалистические причины, из-за которых возник конфликт, чем предшественники хронисты. Если в средневековых текстах была распространена версия о личной обиде императора на жителей Венеции, не желавших пустить его в город [17, pp. 105-106; 13, pp. 52-57], то Сабеллико указывает следующие основания противостояния: «<...> между одной и другой империями возникли разногласия из-за

Далмации. Когда венецианцы открыто продемонстрировали свою приверженность Никифору [византийскому императору], так как они помогали Никите, его военному командиру на море и суше. Тогда Пипин так разгневался на венецианцев, что начал вести против них войну с еще большим рвением, чем прежде» [28, p. 14]. Во взгляде гуманиста отражалась более реалистическая картина причин конфликта. Скорее всего, к такому выводу автору помогло прийти использование источников и более критический взгляд на факты в сравнении с хронистами. Сабеллико ставил под сомнение самые невероятные легенды. В частности, Сабеллико полагал, что старая женщина едва ли могла давать Пипину советы о строительстве моста для штурма острова Риальто. Маркантонио сделал следующую ремарку относительно данного события: «Во что я с трудом позволяю себе поверить» [ibid, p. 14], – то есть историк-гуманист шел дальше своих предшественников, активнее опираясь на рациональные первопричины. Новые интерпретации событий становились основанием для формирования иной перцепции прошлого у читателей, менее наивной и более комплексной в сравнении с предыдущими объяснительными концепциями. Однако Сабеллико далее указывал на важность победы Венеции над Пипином, отмечая, что данный успех сопоставим с великими достижениями древних римлян. Маркантонио придерживался новых для своего времени подходов в демонстрации причинно-следственных связей исторических событий, дававших автору возможность строить аргументацию о совершенстве венецианского общества и отношений, которые существуют в нем, опираясь на рационализм и сведения о конкретных успехах политиков Серениссимы. Логическая обоснованность и практические результаты стали основой для конструирования современных коннотаций социально-значимых мифов. Можно предположить, что Сабеллико, как и Бруни, с помощью материалов источников или хорошо продуманной подтасовки фактов создавал наиболее выгодный образ Венецианской республики для нобилей.

Концентрируя в сжатом виде отличительные черты взглядов гуманистов на структуру общественной жизни, в сравнении с

предыдущими периодами, можно сказать, что человек и его намерения, мысли и чувства становились главными объектами интереса авторов. Кроме того, основными критериями анализа исторических событий становились не абстрактные авторитеты, а успешный результат деятельности людей, направленной на достижение цели.

Заключение. Проведенные исследования показывают, что венецианская элита XV в. поощряла создание исторических трудов, основанных на гуманистической направленности и стилистике. Образованные патриции видели потенциал новой литературной традиции, которая по внешней форме, изысканной латыни, и содержанию, более ориентированному на практическую деятельность и опыт людей, давала возможности конструировать представления о прошлом в духе времени. Более строгий критический анализ исторических сведений, который чаще всего использовался для обоснования политических взглядов, и рассмотрение индивида в качестве главного актора

исторического процесса предоставляли широкий спектр возможностей для морализующей дидактики, обосновывающей существующие общественные отношения, закамуфлированные в патетику общего блага.

Флоренция, являвшаяся центром гуманизма, задавала тон новой политической риторики. Одним из главных выразителей новых доктрин был Леонардо Бруни. Убедительность логики и аргументов Аретино сделали его труд по истории Флоренции примером для подражания. В частности, за его манерой рассуждений последовал и венецианский автор, Маркантонио Сабеллико, беря на вооружение эффективные приемы и практики конструирования исторической памяти. Богатая традиция венецианской хронистики, распространенная в культурном контексте Республики, заставляла гуманиста учитывать локальные особенности. Новая литературная традиция Флоренции приобретала местный колорит, имплементируясь в творчество венецианских авторов.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 324 с.
2. Ассман Я. Культурная память / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.
4. Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции / пер. с итал. М. А. Юсим. СПб.: Наука, 2019. 614 с.
5. Репина Л. П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 9-37.
6. Юсим М.А. Великие флорентинцы и эволюция исторического знания в Европе // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / отв. ред. М.А. Юсим. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2020. С. 43-53.
7. Batolo M. La storiografia umanistica // Archivio Storico Italiano. 1988. Vol. 146. № 1 (535). P. 95-104.
8. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 520 p.
9. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 584 p.
10. Bruni L. History of the Florentine People / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 477 p.
11. Celenza C. The Intellectual World of the Italian Renaissance. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. 438 p.
12. Chojnacki S. Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata // Renaissance Studies. 1994. Vol. 8. № 4. P. 341-358.
13. Chronicon Venetum quod vulgo dicunt Altinate // Monumenta Germaniae historica. T. XIV / ed. H. Simonsfeld. Hanoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1883. P. 1-69.

14. Cochrane E. *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London: The university of Chicago, 1981. 649 p.
15. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / a cura di R. Pesce*. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna», 2010. 185 p.
16. Dandolo A. *Chronicon Venetum // Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna: Nicolo Zanichelli, 1900. 405 p.
17. Diacono G. *La cronaca veneziana di Giovanni Diacono / versione e commento del testo a cura di M. Biasi*. Venezia: Ateneo Veneto, 1986. T. 1. 113 p.
18. Fubini R. *Umanesimo e Rinascimento*. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2 (дата обращения: 08.05.2023).
19. Gilbert F. *Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography // Florelegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale*. Toronto: University of Toronto Press, 1971. P. 275-293.
20. Grubb J. S. *Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze // Renaissance Studies*. 1994. Vol. 8. № 4. P. 375-387.
21. Hankins J. *A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People*. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221> (дата обращения: 08.05.2023).
22. Hankins J. *Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History // Le cronache volgari in Italia / ed. G. Francesconi, M. Miglio*. Perugia: «Pliniana», 2017. P. 373-395.
23. Ianziti G. *Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories // Journal of the History of Ideas*. 2008. Vol. 69. № 1. P. 1-22.
24. Ianziti G. *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2012. 418 p.
25. King M. L. *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento*. Roma: Il Veltro editrice, 1989. Vol. 1. 354 p.
26. Marin Ş. *Marcantonio Sabellico's Rerum Venetarum and "the Definitive History of Venice". The Beginnings of the Official Historiography in Venice? // Revista arhivelor*. Bucarest: Arhivele Nationale ale Romaniei, 2013. Vol. 1-2. P. 134-177.
27. Marin Ş. *Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice // Revista istorică*. 2014. T. XXV. № 1-2. P. 101-121.
28. Sabellico M. *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico*. Venezia: Curtio Troiano Navò, 1544. 293 p.
29. Yoran H. *Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // History and Theory*. 2007. Vol. 46. № 3. P. 326-344.

THE INFLUENCE OF L. BRUNI'S HUMANISTIC IDEAS ON THE VENETIAN HISTORIAN MARCANTONIO SABELLICO (LATE 15TH CENTURY).

The article examines the genesis of the methods and practices of constructing images of the past in the works of humanists in Florence and Venice in the 15th century on the basis of current research in the field of memory studies. The topic has considerable scientific potential today, as it makes it possible to trace the genesis of new concepts of historical knowledge, understand the regional features of memory culture formation in Italy, and study the ideological functions of historical narratives in the socio-political context of the city-states. The study of the reception of new perspectives on social changes and dynamics broadens the understanding of knowledge exchange in the Early Modern period as well as the perception of information by local intellectual elites. The author demonstrates the formation of new approaches to the analysis and representation of the past using the example of the "History of the Florentine People" by the famous humanist Leonardo Bruni (also known as Leonardo Aretino). The main focus of the study is Bruni's new philosophical, political, and social views, as well as his approaches to textual criticism and the use of sources. The author notes that the approaches and practises put forward by Bruni were adopted by the Venetian humanist Marcantonio Sabellico, who used them with reference to the Venetian chronicle-writing tradition.

Keywords: memory studies, humanism, cultural reception, regional intellectual elites, Florence, Venice.

References

1. Assmann A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo [Long Shadow of the Past]*. Per. s nem. B. Hlebnikova [translation from German B. Khlebnikov]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 324 s.
2. Assmann J. (2004). *Kul'turnaya pamyat' [Cultural Memory]*. Per. s nem. M. M. Sokol'skoj

- [translation from German M. M. Sokolovsky]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 368 s.
3. Burckhardt J. (1996). *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii* [The Civilization of the Renaissance in Italy]. M.: Yurist. 591 s.
 4. Villani G. (2019). *Novaya hronika, ili istoriya Florencii* [New Chronicle or History of Florence]. Per. s ital. M. A. Yusim [translation from Italian M. A. Youssim]. SPb.: Nauka. 614 s.
 5. Repina L. P. (2020). *Istoricheskaya pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: «praktika istorii na sluzhbe pamyati»* [Historical memory and national narratives of identity: “the practice of history in the service of memory”] // *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya* [The Past for the Present: History / Memory and Narratives of National Identity]. M.: Aquilo. S. 9 – 37.
 6. Youssim M.A. (2020). *Velikie florentincy i evolyuciya istoricheskogo znaniya v Evrope* [The great Florentines and the Evolution of Historical Knowledge in Europe] // *Gvichhardini i Makiavelli u istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni. [Guicciardini and Machiavelli at the Origins of the Historical Knowledge of Modern History]*, M.: Institut vseobshchei istorii RAN. S. 43–53.
 7. Batolo M. (1988). *La storiografia umanistica* [Humanistic Historiography] // *Archivio Storico Italiano*. Vol. 146. № 1 (535). P. 95 – 104.
 8. Bruni L. (2001). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 520 p.
 9. Bruni L. (2004). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 584 p.
 10. Bruni L. (2007). *History of the Florentine People* / ed. J. Hankins. Cambridge: Harvard University Press. 477 p.
 11. Celenza C. (2018). *The Intellectual World of the Italian Renaissance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 438 p.
 12. Chojnacki S. (1994). *Social Identity in Renaissance Venice: the Second Serrata* // *Renaissance Studies*. Vol. 8. № 4. P. 341-358.
 13. *Chronicon Venetum quod vulgo dicunt Altinate* [Venetian Chronicle, which commonly called Altinate]. (1883) // *Monumenta Germaniae historica*. T. XIV / ed. H. Simonsfeld. Hanoverae: Impensis bibliopolii hahniani. P. 1-69.
 14. Cochrane E. (1981). *History and Historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, London: The University of Chicago. 649 p.
 15. *Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362)* [Chronicle of Venice known as the Chronicle of Enrico Dandolo (origins - 1362)]. (2010) / ed. R. Pesce. Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali «E. A. Cicogna». 185 p.
 16. Dandolo A. (1900). *Chronicon Venetum* [Venetian Chronicle] // *Rerum Italicarum scriptores*. Nuova edizione. T. XII. Part. I / ed. E. Pastorello. Bologna: Nicolo Zanichelli. 405 p.
 17. Diacono G. (1986). *La cronaca veneziana di Giovanni Diacono* [Venetian Chronicle of Giovanni Diacono] / ed. M. Biasi. Venezia: Ateneo Veneto. T. 1. 113 p.
 18. Fubini R. (2013). *Umanesimo e Rinascimento* [Humanism and Renaissance]. Retrieved 08 May, 2023 from https://www.academia.edu/21623671/A02_umanesimo_e_rinascimento_2
 19. Gilbert F. (1971). *Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian Official Historiography* // *Florilegium Historiale. Essays presented to Wallace K. Ferguson* / ed. by J. G. Rowe, W. H. Stockdale. Toronto: University of Toronto Press. P. 275-293.
 20. Grubb J. S. (1994). *Memory and Identity: Why Venetians Didn't Keep Ricordanze* // *Renaissance Studies*. Vol. 8. № 4. P. 375-387.
 21. Hankins J. (2007). *A Mirror for Statesmen: Leonardo Bruni's History of the Florentine People*. Retrieved 08 May, 2023 from <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:2958221>
 22. Hankins J. (2017). *Leonardo Bruni and Machiavelli on the Lessons of Florentine History* // *Le cronache volgari in Italia* / ed. G. Francesconi, M. Miglio. Perugia: «Pliniana». P. 373-395.
 23. Ianziti G. (2008). *Leonardo Bruni, the Medici, and the Florentine Histories* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 69. № 1. P. 1-22.
 24. Ianziti G. (2012). *Writing History in Renaissance Italy*. Cambridge: Harvard Univ. Press. 418 p.

25. King M. L. (1989). *Umanesimo e patriziato a Venezia nel quattrocento* [Humanism and the Patriciate in Venice at the 15th Century]. Roma: Il Veltro editrice. Vol. 1. 354 p.
26. Marin Ş. (2013). Marcantonio Sabellico's *Rerum Venetarum* and "the Definitive History of Venice". *The Beginnings of the Official Historiography in Venice? // Revista archivelor*. Bucarest: Arhivele Nationale ale Romaniei. Vol. 1-2. P. 134-177.
27. Marin Ş. (2014). Flavio Biondo's Venetian History and the Debatable Beginnings of "Public Historiography" in Venice // *Revista istorică*. T. XXV. № 1-2. P. 101-121.
28. Sabellico M. (1544). *Le historie vinitiane di Marco Antonio Sabellico* [Venetian stories of Marco Antonio Sabellico]. Venezia: Curtio Troiano Navò. 293 p.
29. Yoran H. (2007). *Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // History and Theory*. Vol. 46. No. 3. P. 326-344.

Об авторе

Гоц Дмитрий Игоревич – аспирант Кафедры всеобщей истории, исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия), E-mail: idgots@gmail.com

Gots Dmitry Igorevich – postgraduate student of the Department of World History on the historical faculty of Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia), E-mail: idgots@gmail.com